Б3.3
Л93

С. М. Любецкий

Старина Москвы и русского народа

в историческом отношении
с бытовой жизнью русских

Московские окрестности

СА-337247

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О НОВОМ ГОДЕ У ДРЕВНИХ НАРОДОВ

Неоспоримо то, что первоначальное разделение времени основано на астрономических наблюдениях, например на фазах (изменениях) луны. Плутарх, в жизнеописании римского царя, Нумы Помпилия, говорит, что аркадяне делили свой год на три месяца, а карняне на 6; у афинян ввел год Солон, и они начали свое новогодие с новолуния (неомения), следующего за летним солнцестоянием; спартанцы же и все дорийские племена начинали свой год ближе к осеннему равноденствию. Египетский год считался с сентября; евреи же начинали его с весны, потому что мир, в первый день создания, представлял весну во всей ее роскоши. Вероятно, греки переняли годовое разделение у египетских переселенцев, а евреи, во время пленения вавилонского, у вавилонян. Известно, что греки считали свои года по *Олимпиадам* (празднества, совершавшиеся в честь Юпитера Олимпийского, через 4 года), а римляне *Люстрами* (пятилетия, через которые происходила у них ревизия). Кроме того, можно бы еще кое-что сказать о разделении месяцев на недели, дни и часы, о названии дней, о занятиях, назначавшихся для каждой части дня в древние времена, и о пр.; но это отвлекло бы нас от главного предмета этой статьи.

Обратимся к римлянам, хотя они многое переняли у греков; но разделение времени приведено было у них в лучшую, правильнейшую систему, также и предания о всех обрядах их подробнее, ближе к нашему времени и потому свежее.

Ромул разделил гражданский год на 10 месяцев и 304 дня, и начал его с марта; Нума Помпилий к 10 месяцам прибавил еще 2 (январь и февраль) и составил из него 355 дней; наконец Юлий Цезарь исправил календарь* и со-

---

* От слова *Календы*, имя, которым римляне означали первый день каждого месяца и который происходит от греческого слова kahew *зову, созываю*. Жрецы, увидав новую луну, созывали народ в Капитолий (крепость в Риме, на Сатурновой горе), и объявляли ему о счислении месячных дней. Под именем *Календаря* была еще известна у римлян книга, в

ставил год (простой) из 365 дней и 6 часов. Этот год и теперь употребляют у нас в России, а Григорианский календарь, составленный папой Григорием XIII, употребляется в Западной Европе и называется *новым календарем*, по которому год начинается 12 днями прежде нашего.

Ромул назвал 1-й месяц года *мартом*, в честь *Марса*, бога войны, которого он почитал отцом своим. Войнолюбивые римляне особенно уважали этого бога, так как и лакедемоняне, которые во время войны привязывали статую Марса к пьедесталу ее, из опасения, чтоб этот бог не покинул их. У греков 1-й месяц года назывался *Экатомвсен* (по жертвоприношению ста быков, на ста жертвенниках и от ста жрецов), у евреев *Пизан*[*]; у древних персов *Афрордин*, у скандинавов *Юлов*, у южных славян *Сухий*, у малороссиян *Березозоль*, у поляков *Марзец*, у французов, в конце прошлого столетия, *Вандемьер*.

Овидий замечает, что итальянские народы имели этот месяц прежде римлян и ставили его без разбора 3, 4, 5 и даже 10-м. В Греции, в честь марта, совершались многие празднества, например *Дионисиевы*, или *оргии*, у римлян *вакханалии*, или *врумалии*, которые праздновались и в другие месяцы. В Риме, в 1-й день марта, вступали разные чины в отправление своих должностей; тогда же возжигался новый огонь Весты, солнечными лучами, через зажигательные металлические зеркала; храмы убирали и украшали лаврами, цветами и новыми вещами. Этот месяц хотя и назван в честь Марса, но посвящен был Минерве, богине войны, художеств и премудрости[**]. В Египте совершались в марте торжества в честь вступления Озириса в круг луны, т.е. вступление солнца в знак Овна, и потому марту придан знак этого животного, на котором будто бы Фрикс и Гелла удалились от своей мачехи. Сабинцы торжествовали празд-

---

которой записывали имена должников и рабов, для получения капитальной суммы и оброка. Изобретение календаря приписывают Ромулу.

[*] В середине этого месяца у евреев установлен был праздник Пасхи, во время которого они вкушали пасхального агнца и приносили в жертву сноп, как первые плоды жатвы, ячменя.

[**] У греков называлась она Палладой, Афинеей и Тритонией.

ник луны также во время весеннего равноденствия.

В день новолетия римские жрецы прежде всего отправлялись церемониально в храм Юпитера и вколачивали там новый медный гвоздь, знак прибавления еще нового года (отсюда и слово *Эра* — значит медь). Когда еще не были изобретены цифры, тогда вели счисление узелками, завязываемыми на веревках. Эту должность исправляли после консулы и сами диктаторы, потом *Салии*. 12 жрецов Марса, учрежденные римским царем Нумой Помпилием, с размалеванными лицами, в пестротканых плащах, с медными дощечками на груди, брали хранившиеся в Палатине 12 щитов*, с изображением Марса, называвшихся *Анцилами*, и, сопровождаемые народной толпой, носили их около Рима с пением и плясками (потому эти жрецы и названы *Салиями* — от латинского слова salio, скачу, пляшу). Этот обряд продолжался несколько дней. По улицам и даже по апельсиновым и лавровым рощам, назначенным для народного гулянья, расставлялись столы, а на них красовались подносы из лимонного дерева с разным кушаньем и напитками, состоявшими большей частью из фалернского вина. Во время пиршества произносились обычные взаимные поздравления.

В начале Нового года приносили жертву Анне Перенне (богине Нового года, которая будто бы принесла пищу народу, удалившемуся на Авентинскую гору, за что и была включена в число богинь); тогда женщины служили при столе рабыням своим. В Календах марта совершалось еще празднество, известное под именем *матроналий* (матрона — почетная женщина, госпожа): это был самый торжественный женский праздник. Овидий полагает несколько причин учреждения этого торжества: 1) воспоминание о сабинках, которые примирили римлян со своими соотечественниками; 2) желание получить от Марса то счастье, которым пользовались Ромул и Рем: 3) по случаю посвящения храма Юноне (жена и сестра Юпитера, которой припи-

* Нума Помпилий объявил, что эти щиты посланы ему были с неба и почитались залогом благополучия государства.

сывали власть над родильницами); 4) потому что Марс был сын богини, присутствовавшей при свадьбах. Этот праздник совершался великолепно и роскошно, особенно со стороны женщин, и потому, кстати, скажем несколько слов об их нарядах.

Древние женщины, даже и патрицианки (дворянки), сначала одевались просто, редко выходили из дома, и то с покрывалами на лице; впоследствии они стали употреблять, особенно при торжественных выездах и выходах, большую пышность, роскошь и косметические принадлежности: хитрые индийские ткани, прозрачные иудейские материи, из которых делались *паллии*, покрывала или род епанчи, грациозно накидывавшиеся поверх *столы*, без застежек (*стола* — длинное верхнее одеяние с широкими рукавами и золотой каймой); *синтезы* — одежда, червленого цвета, употреблявшаяся при пиршествах; *тюники* — нижнее одеяние; *мантисты* — плащики, зашпиленные на левом плече рубинами; красивые разноформенные, унизанные алмазами, повязки и наколки на голове (означавшие достоинство патрицианок); легкие пуховые сандалии, кокетливые шапочки; пояса из золотых змеек; пышные наколки; ряды кос и косичек; целые каскады волос (своих и накладных), перевитых жемчужными нитями, а сзади подобранных в серебряные сетки (тогда было обыкновение часто переменять цвета париков); массивные металлические запястья; по три и по четыре серьги, в виде птичек или каких-нибудь насекомых, впивавшихся в уши; символические перстни с печатками и проч., и проч. Одежда богатых делалась или из виссона (материя, окрашенная пурпуровой краской), или из золотой ткани, или из хлопчатой бумажной, ослепительной белизны, или из козьей шерсти. Записные щеголихи не обходились без ванны (устроенной люлькой-качалкой) из розовой воды, или из парного ослиного молока, без ароматической пенной губной помады, без сурмил, без разных личных мастик и пыльных зубных порошков (зубы часто красились), без масок, напитанных освежающими специями (в этих масках часто и спали), без душистых миртовых лепешечек для рта, без мушек, в виде полумесяца, без металли-

ческих и стеклянных зеркал, без самых розовых румян, без мази, истребляющей на щеках волосы, без мягких, паутинных ножных оберток, вместо чулок, без красивых носилок, без опахал из павлиньих перьев, без зонтиков на бамбуковых палочках, без *строфий* (широкие ленты на груди, вместо корсета) и без проч., и проч. Уборная женщины называлась mundus muliebris, т.е. *женский мир*. Роскошь римских женщин, особенно с тех пор, когда мужья их разбогатели на счет побежденных народов, доходила до такой степени, что наконец указом сената положены были границы их щегольству.

Таким образом, в праздник матроналий разодетые римские женщины в розовых венках шли в храм Юноны и подносили истукану ее цветы; по возвращении же домой принимали поздравления и подарки от мужей своих. Женатые мужчины в этот день ходили в храм Януса и приносили ему обильные жертвы. В заключение совершалось пышное пиршество; госпожи наряжали служанок в свои платья, тогда рабы считались равными со своими господами, как во время сатурналий.

В 18-й день, после новогодия, праздновали Бахусу, и юноши надевали мужскую одежду; в 19-й день воздавали честь Минерве Quinquarlus (пятидневие); тогда ученики приносили своим учителям подарки, называемые Minervalio; в последний, т.е. в 5-й день этого праздника, трубы, употреблявшиеся при богослужении, освящались принесением в жертву ягненка (lustrabantur). *Гиларийские* празднества, в честь матери-богини (Юноны) совершались в 25-й день новогодия.

Месяц март, как и май, почитался несчастным для браков.

В марте* начинали и *комиции*, т.е. народные собрания для избрания начальников и для составления новых законов; это происходило в Риме, на Марсовом поле, или на главном рынке (in foro), при большом стечении народа.

---

* Напоминаем, что здесь говорится везде о марте, как о первом месяце года у древних.

В Умбрии (в Италии) было обыкновение каждый год, в ночь на 1 марта, разводить на поле огни, и тогда отроки, с зажженными факелами из сухого тростника, бегали по нивам, как бы испрашивая урожая. У итальянских народов еще было обыкновение в марте осматривать скот, и если он находился не в хорошем виде, то они давали обещание принести на следующую весну в жертву новорожденных животных; в глубокой древности там приносили будто бы по этому случаю в жертву младенцев.

СТАРИННЫЙ РУССКИЙ НОВЫЙ ГОД

ТОРЖЕСТВО, ОБРЯДЫ И ПРАЗДНЕСТВА,
СОПРОВОЖДАВШИЕ ЕГО, ОТ 1 ДО 8 СЕНТЯБРЯ

Древнейший Новый год на Руси до Великого князя Василия Дмитриевича считался у нас с 1 марта, с того времени, когда весна начинала вступать в права свои; но с XV в. (с собора для уложения церковной пасхалии на VIII тысячелетие) *сентябрь*, по-славянски *септемврий*, начал считаться *первым* месяцем в году, что продолжается и доныне в церковной пасхалии.

Сентябрь слово латинское, значит *седьмой* месяц в году, считая по-старинному с марта; в древности у славян он назывался *ревуном* (будто бы от *рева* ветров, начинающих дуть с этого времени)*; римляне посвятили его Нептуну.

Статуи сентября-месяца у древних римлян представляли его нагого, только на плечах его висела накидка, развеваемая по направлению ветра; в левой руке держал он ящерицу, у ног его стояли кадки, приготовленные для вина. Впоследствии римляне стали изображать этот месяц в виде улыбающегося юноши, увенчанного виноградными кистями, одетого в платье пурпурового цвета, державшего в одной руке весы, а в другой рог изобилия.

У нас на Руси, в древних летописях и в юридических актах, *первое сентября* известно под именем *Симеона Летопродавца***, когда церковь наша молит Бога о благополучном *новолетии*; время, с 1 сентября по 8-е (т.е. до дня Рождества Богородицы) называется *Семенины*, *бабье лето*, потому что с этого времени начинаются *бабьи работы*: они мнут, моют и треплют пеньку, стелют лен и в самый Семен день затыкают холст. До XVIII в., т.е. до того самого времени, когда, по указу Петра I, Новый год стал начинаться у нас с 1 января, *Семен день* был днем общения царя с наро-

---

* Мнение Добровского.

** От празднуемого в этот день церковью нашей преподобного Симеона, первого столпника. Нестор в летописях своих оставил предание, что в Киеве был храм во имя *Св. Симеона Летопродавца*.

дом и одним из временных судных сроков ставиться на личный суд перед царем и вносить оброки, пошлины и дани*. Борис Годунов в этот день венчался на царство, и в память этого события построил в Москве церковь Св. Симеона Столпника**. В этот же день, 1674 г., царь Алексей Михайлович на Ивановской площади в первый раз объявил народу царевича Федора своим наследником.

Прежде нежели взглянем, какие праздники, игрища и обряды сопровождали *Семенины*, посмотрим на главное религиозное торжество, происходившее в первый день сентября, в Москве, в XVII ст.

В *Потребнике мирском****, в „*Древней российской вивлиофике*“***** и в некоторых других старинных изданиях описаны обряды встречи новолетия в Москве, когда не только москвитяне, но жители и других городов и мест собирались в Кремль посмотреть и на торжество, и *на царские светлые очи*. В последний вечер старого года москвичи приглашали к себе гостей и проводили с ними время до петухов; этот *встречный* вечер был большей частью семейный, патриархальный: гости-родственники сходились к главе семейства, к старшему в роде на посиделки и проводили время тихо, скромно и благоговейно; в божницах у них теплились лампадки, и ярко горели восковые свечи. Ровно в полночь, среди глубокой тишины, вдруг раздавался грохот заревой-вестовой пушки, вслед за ним гудел колокол на Иване Великом, потом происходил уже повсеместный благовест в Москве и растворялись городские ворота, начинались заутрени. Тогда тушили все огни, кроме тепла лампадного, а с восхождением солнца зажигали новый огонь и, благословясь, отправлялись на богомолье, иные в церковь Симеона Столпника, другие в Кремль.

Царский выход в этот день совершался в четвертом часу дня, или в десятом часу утра по нашему счету******. Для

---

* Снегирев И.М. *Русские простонародные праздники.*

** На Вшивой горке.

*** Изд. в 1639 г.

**** *Чин летопровождения.* Ч. VI. 1788.

***** Забелин И.Е. *Домашний быт русских царей.*

этого торжества устраивался против Красного крыльца, посреди Соборной площади, большой помост, огороженный точеными, ярко расписанными разными красками решетками, с дощатым полом, устланным дорогими цветными турецкими и персидскими коврами. На восточной стороне помоста ставили три налоя с поволоками, а на одном из них икону Св. Симеона; перед налоями горели большие свечи в высоких серебряных подсвечниках; здесь же находился и *столец* для освящения воды. С противоположной (западной) стороны устраивались на помосте два особые шатерничьи места, одно, обитое червчатым бархатом и серебряной объярью для царя, а другое — шелковой персидской материей для патриарха*.

Патриарх выходил на молебствие из западных ворот Успенского собора, перед ним несли святые иконы, кресты и хоругви, за ним шла процессия духовенства в богатых златотканых ризах, клир демественников (певчих) пел хвалебные песни Господу Богу и святому угоднику Симеону, колокола гудели торжественно, но без звона, тысячи обнаженных голов низко, низко наклонялись. В то же время из дворца, с Благовещенской паперти, являлась другая процессия — шествие царя, возвещаемое полным звоном на Иване Великом во все колокола; за царем тянулась блестящая свита его в *золотных* кафтанах.

Торжественный и оглушительный колокольный звон продолжался до тех пор, пока царь вступал на свое место, на ступенях которого окольничьи поддерживали его под руки. Сперва царь прикладывался к Евангелию и к иконам, потом патриарх осенял его Животворящим Крестом и благословлял рукой. Духовные и светские сановники устанавливались, по чину, в определенные росписью им места, по

* В конце XVII ст. устраивали для царя место еще великолепнее, наподобие трона с хитрой резьбой и позолотой, имевшее вид пятиглавого храма; эти главы (в середине большая, по углам малые) искусно сделаны были из слюды, наверху их красовались и сверкали вызолоченные двуглавые орлы. Описываемый мной шатер-трон имел створчатые двери и рамы также с оконницами из слюды *(Забелин И.Е. Домашний быт русских царей. СПб., 1894)*.

обе стороны царя и патриарха. Соборная площадь вся была занята служилыми людьми, стоявшими на других рундуках (помостах); здесь находились полковники, головы и полуголовы стрелецкие, в ферезеях, в бархатных и объяриных цветных кафтанах, стольники, стряпчие и дворяне; от них, поодаль, гости, и все в один человек, т.е. рядом. С паперти Архангельского собора также хорошо видна была вся церемония; здесь находились чужестранные послы со своими чиновниками и прочие иноземцы*, также прибывшие в Москву запорожские и донские казаки. За рундуками, на площади, стояли стрельцы в строю, со знаменами, с барабанами и с ружьями. Вокруг всех этих чинов, даже на кровлях соборов и на Ивановской колокольне, на Красном крыльце и на всех лестницах толпились, спираясь плечо с плечом, всякого чина и звания люди.

Но вот начиналась служба, во время которой высшие духовные сановники подходили по двое, сперва к царю, потом к патриарху, и покланялись им. При водосвятии, когда раздавался напев молитвы „*Спаси, Господи, люди Твоя*", все коленопреклонялись и усердно молились о *грядущем благополучном лете Господнем*. По окончании службы патриарх, сошед со своего места, опять осенял царя Крестом и приветствовал его речью с пожеланием ему на все времена, из рода в род, со всем царским семейством его, с боярами, воинством, народом и со всем православным христианством, быть здраву и благополучну. „Даруй, Господи, Вам, великому государю, — говорил он, — свыше победу и крепость на храбрость и одоления на все видимые и невидимые враги и возвысил бы Господь Бог нашу царскую десницу над бесерменством и над латинством и над всеми иноплеменными языки, иже бранем хотящая".

Царь благодарил патриарха короткой речью, после чего государя и патриарха поздравляли с Новым годом духовные сановники. Государь откланивался им, а патриарх благословлял их; после происходило поздравление царю от

* Из них некоторые описывали это торжество; в Лейпциге, в 1698 г., издана была книга о „*Встрече новолетия в Москве*".

бояр и прочих высших чинов и властей, которые кланялись *большим обычаем* (т.е. до земли), государь взаимно поздравлял их, наконец бояре и весь Освященный собор поздравляли патриарха, а в заключение государя громко и восторженно приветствовали, многолетствуя, народ и все стрелецкие полки; почти в одно мгновение все били ему челом в землю. Царь приветствовал народ милостивым и ласковым словом, бедным и нищим он приказывал раздать щедрую милостыню. По окончании всего царь, при колокольном звоне, отправлялся к литургии в Благовещенский собор, а патриарх в Успенский.

В простонародье этот день сопровождался хороводами до самого *Аспосова* дня, т.е. до 8 сентября; с Семена дня в деревнях, кроме хороводов, делались и делаются *опашки, братчины, окладины, ссыпчины*; там вскладчину варят пиво и приготовляется русское кушанье, для общего пиршества; это называется *братчины*; *окладинами* называется обряд приглашения домохозяина из соседей для закладки новой избы, для чего приглашают и священника. В некоторых селениях существовал особенный праздник, называемый *Обжинки*. Поселяне выбирали первый и последний сноп, одевали его в сарафан и кокошник, называли именинником и относили на барский двор, где их угощали вином и брагой. В некоторых южных местах России* девушки хоронили мух, клопов и тараканов в морковных, репных, редечных и свекловичных гробах. Это был странный и смешной обряд, потому что девушки-невесты и молодицы сбирались на эти похороны разодетые в лучшие свои наряды и погребали докучливых насекомых с притворным воем и плачем, между тем парни-женихи выглядывали там себе невест. В некоторых местах в этот же Семен день оканчивают заламывание ульев, и к тому времени туда съезжаются прасолы для покупки меда.

Далее происходит *капустание*. Разряженные девушки ходят с песнями из дома в дом рубить капусту, где их угощают разными заедками, *верхосытом*; потом в день Феклы

---

* Особенно в Серпухове.

Заревницы (24 сентября) совершается празднество на гумнах; молотильщикам варят кашу, и когда они начинают молотить, то приговаривают: „Хозяину хлеба ворошок, а молотильщикам каши горшок“. После работы начинаются пляски, игры и хороводы. Осенью же бывают свадьбы и поминки: радость после слез и наоборот. Осенью также у поселян бывал праздник, называемый *Овцарь* (Овечий праздник), в который пастухи с песнями и игрой на рожках ходили поздравлять зажиточных хозяев с размножением овец; 1 сентября с нетерпением ожидают охотники (с борзыми и гончими собаками), когда они могут безвозбранно гонять зверей по сжатым полям; в старину, при первом звуке рога, охотники собирались в условленное место составлять своего рода программу для грядущих разъездов, и этот день оканчивался шумным и веселым пиршеством с богатырскими попойками.

ПРЕДАНИЕ О СВЯТКАХ

Языческие празднества. Происхождение и употребление масок. Колядование. Встреча нового столетия (1700 г.) в Москве. Русские Святки со своими забавами и увеселениями

Святки! о, какое это было магическое слово для наших бабушек и дедушек! В это время наставало для них полное раздолье. Посиделки, подблюдные песни, то протяжные, надрывающие грудь, то веселые, ласкающие душу, таинственные гадания, затейливые игры — все это так приятно разнообразило двенадцать святочных дней, которые проходили невидимкой. В наше время разве где-нибудь в простонародье или в захолустьях города слышится еще слабый отголосок этого старинного быта...

Tempora mutantur et nos mutamur in illis.

А старина святочных игр глубокая. Не стану говорить, что у египтян в Новый год, жрецы, замаскировавшись, ходили по улицам, совершая священный обряд; что у древних греков, при переходе старого года к новому, плясали мужчины в женских платьях, а женщины в мужских. Остановлюсь на ближайшей к нам Византии, и упомяну, что император греческий, Константин Багрянородный, в описании церемоний византийского двора, говорит о *готических* святочных игрищах*, отправляемых в присутствии самого императора. Назначенные к тому люди (кудесники) являлись в масках и в вывороченных наизнанку шубах, бегали, вертелись, прыгали, звучно ударяли жезлами в щиты и пели песни под музыку; другие историки, описывая тогдашние игрища греков, говорят, что по окончании всего вельможи и чиновники двора подходили к императору с поздравлениями, за ними следовали *варанги* (варяги и другие иноплеменники, составлявшие его дружину) и возглашали ему многолетие; в заключение всего приближались певчие и

* *Готическими* назывались они потому, что греки, перерядившись готфами, как можно уродливее и страннее, приходили к императору с поздравлением и получали за то деньги.

пели кондак: „*Дева днесь пресущественного рождает*“. Вот начало славления. При введении христианской веры в Византии Константин Великий, постепенно выводя языческие обряды, не мог искоренить празднование генварьских календ; горожане, подражая язычникам, накрыв голову свою рогатой головой какого-нибудь зверя и взяв в рот горящие уголья, бесновались невообразимо*; это продолжалось до самого разрушения Восточной Римской империи. А в Западной Европе происходили в Средние века еще более чудные вещи.

В святочные дни учрежден был там праздник пьяных *иподьяконов*, в котором принимали участие и прочие священнослужители католического исповедания. Это была так называемая *декабрьская вольность*, в подражание языческим *сатурналиям*, которые также в конце декабря совершались римлянами в честь Сатурна, в воспоминание золотого века, в котором не существовало рабов. Праздник иподьяконов был известен еще под именем *праздника дураков* (la fête des foux)**. Священнослужители, в первый день Нового года, выбирали из своей братии епископа, или папу дураков, и входили в церковь в масках; одни из них были одеты в пестром шутовском платье, другие в женском; они плясали в храме и на хорах, пели непристойные песни, ели на жертвеннике мясо, подле священника, совершавшего божественную службу, играли в шашки и кадили жертвенник зловонием старых кож, которые сжигали в своих кадильницах; иные надевали на себя разодранную и выворо-

---

* Полагают, что язычники этим обрядом представляли похождения богов своих, например Юпитера, который являлся в виде сатира, и в виде тельца похитил Европу (сестру Кадма). Так как рога означали символ любви, не освященной браком, то еще с древних времен под выражением: *приставить рога* понималось: утратить целомудрие.

** По свидетельству историков, этот праздник существовал несколько сот лет. Против него писал папа Иннокентий III (в начале XIII ст.): „Так как в нескольких церквах совершаются позорища, в которых участвуют сами священно-церковнослужители, то всякому возлюбленному о Христе брату надлежит искоренять подобные обычаи, чтобы не бесчестить дом Господен всякой мерзостью“. — Праздник дураков уничтожен был во Франции Парижским собором в XV ст.

ченную наизнанку священническую одежду, в руках держали кверху ногами книги, которые читали в очках, имевших вместо стекол померанцевые корки, с ужасными кривляньями и телодвижениями. Подобные праздники были не только в соборных церквах, но и в монастырях, мужских и женских, особенно в прованских. Что же касается до масок, то изобретение их приписывают Эсхилу. Древние святочные и другие маски были не такие, какие употребляют ныне; они были с человеческую голову и ими накрывались замаскированные, как шишаком; под ними можно было говорить без всякого принуждения. На тогдашних масках изображены были черты лица, борода, волосы, уши и сами украшения, употреблявшиеся на женских головных уборах, потому что древние артисты у греков не имели на театре женщин, роли их представляли мужчины. Сперва маски делали из древесной корки, потом из кожи, наклеенной на полотне, и наконец из дерева, искусными резчиками, сообразно с ролями, определенными для представлений; иногда на них изображали отвратительные или смешные черты лица: зевающий рот, оскаленные зубы и проч. Собственно театральные маски были троякого рода: *комические, трагические* и *сатирические*[*]. Еще были маски, изображавшие естественный, т.е. обыкновенный вид человека; их называли *немыми*, потому что они служили только для обставки пьес. Употребление масок введено было в древности во всенародные празднества и в торжественные похороны, во время которых *пантомимы* нашивали их для представления лица и телодвижений покойника; страшные маски носили и на сражениях, для устрашения неприятелей[**].

Святки праздновались и празднуются во всех государствах Европы (разумеется, исключая поклонников Магомета), например на Скандинавском полуострове (язычники в это время совершали там празднество в честь богов Тора и Одина, при повороте солнца); в Германии эти празднества

---

[*] Танцевальный словарь. М., 1790.

[**] Первый актер, употребивший маску (в Риме), для сокрытия своего безобразия, был Росций Галл.

известны под именем *священных ночей*, где стараются весело встретить Новый год; в Англии еще за несколько дней, до наступления Р.Х., бывает торжественная встреча его, состоящая из музыки и пения; в Голландии тоже, там церкви и дома в это время украшаются цветами.

У нас Святки также составляют годовую зимнюю эпоху (в старину назывались они *карачун*, от коротких дней), и у нас представляется смешение суеверных языческих обрядов с христианскими, например, с одной стороны, ворожба, личины, *плясование* и *беснование* (как выражались в старину), с другой — славление Христа, празднование рождения *свету мира, солнца правды*, начинавшееся *колядованием* (коло-круг, круг солнца), ведущим свое начало также от языческих времен. Славянский идол Коляды находился в Киеве, его почитали богом мира и празднество ему совершалось 24 декабря (месяца студеня), сопровождаемое пиршеством и весельем; вместе с этим приносили жертвы и *Туру*, богу сладострастия*. Со времен христианства колядование изменило свой характер и обряды; в католических государствах есть обыкновение: в вечер на Р.Х. и в продолжение всех Святок устраивать *вертепы* (род ящика), в которых представляют в лицах, с приличными, довольно изящными декорациями и фигурами Рождество Спасителя, поклонение волхвов, бегство в Египет, царя Ирода и прочие священные события из истории младенчества Христа. Все эти изображения приготовлялись большей частью из картонной бумаги; яркое освещение вертепа производит эффект и собирает множество зрителей к вертепу.

К нам празднование Святок (т.е. *святых вечеров*), вероятно, перешло из Греции, или с юго-запада, так как и колядование, которое и до сих пор продолжается в западных наших губерниях и в Малороссии. Оно состоит в том, что молодые парни и девицы подходят к окнам домовладельцев и поют песню, упоминая имя Коляды; она состоит из величания хозяев и кончается просьбой о подарке:

Подари, государь, колядовщиков,

* Абевега: словарь русских суеверий. М., 1786.

Наша коляда ни рубль ни полтина,
А всего пол-алтына.

Собственно в Великороссии и в наше время колядование состоит из славления Христа, которое производится большей частью детьми с так называемыми *рацеями*:

Я маленький хлопчик,
Принес Христу снопчик,
Его величаю,
А вас с праздником поздравляю.

Колядование называлось еще *щедрование* (щедрый вечер). В Малороссии есть обыкновение перед Новым годом и перед обедней ходить со звездой, воткнутой на палке, на *засевки*: берут несколько горстей разных хлебных зерен и, вошедши в горницу хозяина, бросают зерна на пол, как делается при посеве, желая хозяину хорошего урожая, при наступлении Нового года, и вместе с тем поздравляя его с праздником*.

В глубокую старину Святки у нас начинались тоже вместе с Новым годом; о Святках допетровских времен мы имеем мало сведений; в разных исторических преданиях есть только намеки на внутреннюю жизнь русского народа. Карамзин, в „Истории государства Российского", (ч. VIII), описывая времена Иоанна Грозного, говорит, что он с опричниками своими, надев на себя личины, веселился и что князь Михаил Репнин согласился лучше лишиться жизни, чем надеть на себя маску, которую он растоптал ногами, в присутствии царя, воскликнув „Пристало ли государю быть скоморохом!"

Доказательством тому, что у нас издревле праздновались Святки, служат: Кормчая книга, Номоканоны, Стоглав, Духовный регламент и Пастырские послания, в которых обличаются гадания и суеверия на Святках, как языческие обычаи. В Стоглаве строго запрещаются: *эллинское* (т.е. греческое) *беснование, различные игры и плескание, празднование календы* (т.е. языческой календы) *и переодевание мужчин в женское платье, а женщин в мужское.*

* *Московский телеграф.* 1831.

Кормчая книга основывается на Священном Писании (Второзаконие. XXII, 5), где сказано: „Да не будет утварь мужеска на жене, ни да облачится муж в ризу женску, яко мерзость есть Господеви Богу Твоему всяк творяй сия".

В конце XVII ст. патриарх Иоаким воспретил указом своим существовавшие в Москве *„скверные и бесовские действа и игрища в навечерии Рождества Христова.* — Далее говорит он, что — *мужи и жены преображаются в неподобные от Бога создания, такожде и на Рождество Христово в 12 днях до Крещения Господа нашего Иисуса Христа, таковая ж бесовская игралища и позорища содевают"*[*].

Был также в Москве обычай ходить государям о Святках *славить* к подданным. Это славление начиналось с полудня праздника; впереди шли два чиновника с барабанами в руках и ударяли в них палочками, обернутыми в сукно; за ними следовал царь со всем клиром и с толпой князей и бояр; они ехали в санях и посещали знатнейших придворных вельмож. При вступлении к кому-нибудь в дом они пели *„Тебе Бога хвалим"* и поздравляли хозяев с Новым годом. После этого хозяин подносил царю подарок деньгами и угощал его со всей свитой; после угощения они отправлялись в другие дома[**].

В Рождественский сочельник царь Алексей Михайлович рано утром *тайно* ходил в тюрьмы и богадельни и раздавал там щедрую милостыню; на улицах, по которым он проходил, толпились нищие, которых он также оделял деньгами. К вечерне ходил он в Успенский собор; в сумерки приходили к нему во дворец славить Христа все духовные лица, приписанные к соборам. В самый же праздник Рождества Христова царь слушал заутреню в Золотой палате; во время благовеста к литургии к нему опять приходил патриарх со всем духовным синклитом славить Христа и

[*] В инструкции своей старостам поповским он предписывает: „не хоронить ни на кладбище, ни на убогом дому, а на поле и в лесу тех, которые играя утонут, или с качели убьются".

[**] Снегирев И.М. *Русские простонародные праздники.*

здравствовать государя; оттуда все шли с крестом и святой водой к царице и к прочим членам царского семейства.

Царице в этот день боярыни приносили перепечи (сдобные куличи или караваи), часть которых она отсылала к патриарху. Во время Святок к ней приходили славить Христа старицы из Вознесенского монастыря, а к царевичам карлы*. Петр I любил потешаться святочными игрищами; известно, как он наряжал Зотова князь-папой. При нем Святки весело и шумно проводились не только в простонародье, но и в царских вышках (теремах); там царевны со своими приближенными боярышнями и с сенными девушками рядились, пели святочные песни и загадывали. Сам Петр, наряженный, езжал на святочные вечера с большей обставкой, нежели отец его; свита его была многочисленна; они катались, мчались, кто в обширных пошевнях, кто верхом. В „Деяниях" его сказано, что те, которые уклонялись от славления и святочных потех, были биты кнутом и батогами. Это было еще в начале преобразования России, хотя обычаи дряхлой старины стали уже мало-помалу уничтожаться и бородам объявлена уже была война.

Святки не совпадали еще тогда с Новым годом, который праздновался 1 сентября. В последний раз это случилось в 1698 г. Вот как был этот раз отпразднован Новый год. 1 сентября, в 9-м часу утра, раздался призывный к обедне торжественный соборный звон; народ двинулся толпами на Красную площадь смотреть на царский выход; некоторые были в трауре по казненным родственникам своим, стрельцам, и смотрели очень недоброжелательно на тех, кто, в угождение царю, сбрил себе бороду, или кто явился туда в европейской обновке. И что тогда была за смесь костюмов, старины с новизной! Кавалеры, как придворная свита, красовались в праздничных цветных пюсовых, бархатных или матерчатых кафтанах, с большими золочеными или фарфоровыми пуговицами в виде блинов, в алонжевых напудренных париках**, и в красных шелковых

---

* Забелин И.Е. *Домашний быт русских царей.* СПб., 1894.

** Самые дорогие парики делались из тонких белых ниток, или из белого

чулках с золотыми стрелками, перехваченных искрометными пряжками; между ними виднелись еще старинные бархатные шапки и широкие кафтаны на борах, стриженые макушки раскольников, мурмолка, серые и пегие армяки. Вот появился государь с малолетним сыном своим Алексеем; за ним следовала царица в полуевропейском костюме (который, как известно, ей очень не нравился, т.е. не нравилось отступление от старины); за ней попарно вытягивались придворные дамы, без покрывал, в пышных платьях, шитых золотом и серебром, в современных прическах a la Valliere, в узких костяных корсетах, в огромных фишбейнах, с длинными шлейфами, в башмаках улиточкой или стерлядкой, на высоких розовых каблуках, с махальцами (или веерами) в руках. Многие шли, потупя головы: им стыдно еще было показаться в публике в новых костюмах. Впрочем, вдовствующая царица Прасковья, супруга царя Иоанна Алексеевича, одета была по старине: в черной бархатной шубейке и в меховой шапочке на голове. За ней шли дамы старого двора, кто в шапочке корабликом, кто в разлетае, а кто и в чепцах, на которые возникала уже мода и они назывались: чепцы-*рожки*, чепцы-*сороки*; в руках их были *маньки* (муфточки). Процессия конвоировалась новогвардейскими полками в синих мундирах с красными обшлагами, и в высоких ботфортах; у начальников мундиры были вышиты золотом. При появлении царя головы у всех обнажились, раздалось раскатистое „*Ура*“... Государь громко поздравил всех с Новым годом и пошел в собор. Отсталые от современности косились на изменников старины, отплевывались и роптали втихомолку: „Ну, теперь все немцами стали, скобленые рыла, неподобные человеческому обличию, в кафтанах с суконными хвостами“. После обедни было тогда в народе обыкновение пробовать новую капусту и пироги из новой муки; тогда существовало поверье: когда в Новый год хорошенько не поесть, то целый год будешь голоден. Предки наши жили домовитее.

Но вот наступал 7208 г. от сотворения мира, или

шелка, легкие и покойные.

1699 г. от Рождества Христова; приближалось первое сентября; обыватели московские стали делать обычные приготовления к Новому году, как вдруг вышло запрещение встречать новолетие, вышел приказ проводить его, как обыкновенный будничный день; вечером, накануне 1 сентября, так называемые *крикуны*, или дозорные (из обывателей), с костылями в руках, обхаживали, каждый назначенную ему улицу, заглядывали в прорезанные на ставнях отверстия в домах, не веселится ли кто по старине, стучали костылями своими в ставни и кричали: „Десятый час, огни гасить!“ Разумеется, с большим неудовольствием и ропотом принято было всеми это приказание. 15 декабря того же года на Красной площади раздался громкий барабанный бой, Москва взволновалась, все поспешили на сборное место, узнать о какой-то новой повестке, и вот увидели дьяка, стоявшего на высоком помосте, который во всеуслышание читал следующий царский указ: „Великий государь Петр Алексеевич, всея Великия и Малыя и Белыя России самодержец, указал сказать: ведомо ему великому государю стало, что не только во многих европейских христианских странах, но и в народах славянских, которые с восточной православной нашей церковью во всем согласны, все те народы лета свои исчисляют от Рождества Христова в 8-й день спустя, то есть с января 1-го, а не от создания мира; и ныне от Рождества Христова доходит 1699 год, а будущего января 1-го наступит новый 1700 г., купно и новый столетний век. Почему великий государь указал впредь счисляти лета в приказах и во всяких делах и крепости писать с наступающего января 1-го 1700 г. от Рождества Христова. В знак этого доброго начинания и нового столетнего века, в царствующем граде Москве, после должного благодарения Богу и молебного пения в церкви, по большим проезжим улицам у домов нарочитого духовенства и мирского чина, пред вороты учинить некоторое украшение от древ и ветвей сосновых, еловых и можжевеловых; также дома иллюминовать, а за огнями смотрение иметь“.*

---

* Кукольник Н.В. Сочинения. 1843.

Этот указ читали и в разных частях Москвы, а в бургомистерской ратуше раздавали печатные листы его. Все изумились. „Куда ж девать лишние-то четыре месяца, от сентября до января, к которому году прикинуть их?“ — воскликнули москвитяне. Трудно было расставаться со старым порядком, освященным веками, но делать нечего, надобно было исполнить крутую, могучую волю царя Петра. И вот наступал вдвойне Новый год. На Красной площади все было приготовлено для встречи его. Петр сам зажег первую ракету, это был сигнал; вдруг все улицы ярко осветились, при колокольном звоне, при пушечной пальбе, при громком восклицании „*Ура!*“ и при звуке труб и литавр. На рубеже двух веков государь стал всех поздравлять с новым столетием и с Новым годом. Пушечная пальба продолжалась всю ночь, иллюминация также пылала по всей Москве, освещая зеленую уборку ворот и окон домов. Васильев вечер прошел шумно и весело.

На другой день утром государь принимал официальные поздравления в Кремлевском дворце своем на европейский манер; там у него был большой обед; в знатных домах, между старинными игрищами, начались ассамблеи, в таинства которых не все еще были посвящены. Впрочем, тогда еще многие веселились и танцевали по указу, и кавалеры, с дозволения правительства, публично любезничали с дамами.

При императрице Екатерине I не было уже надобности приказывать устраивать ассамблеи; при ней распространились и частные балы, которые стали уже вытеснять святочные забавы: тогда незнание танцевать вменялось уже знатной девице в недостаток воспитания. Императрица Анна придала большой блеск своему двору, она любила веселиться; на ее пышных праздниках танцевали уже не в табачном дыму, как при Петре, и не слыхали около себя стук шахмат и шашек; тогда также уничтожено уже было наказание: осушить кубок большого орла. Несмотря на преданность европейским обычаям, Анна любила русскую пляску и русские песни; члены ее фамилии и многие придворные уже не по указу принимали участие в общих увеселениях.

При Елизавете справлялись Святки по-старинному. При ней русские забавы и увеселения славились по всей Европе. На Святках придворные ее являлись к ней святочно закостюмированные, но без масок; она и сама рядилась; в предании осталось, что к ней шел мужской наряд. Государыня сама певала подблюдные святочные песни с девицами, и даже ей приписывают сочинение некоторых из них, особенно из хороводных песен, как например:

На селе, селе Покровском,
Среди улицы большой...

потому что, проживая в Москве, будучи еще великой княжной, в своем Покровском дворце, она с тамошними сельскими девицами, одевшись в красный русский сарафан, водила хороводы. Императрица Екатерина II тоже очень любила разные народные потехи и увеселения; несмотря на свои многотрудные царственные занятия, она являлась к народу и к приглашенным на святочные вечера гостям своим, в роскошном русском платье, и принимала участие в общих забавах. У нее в Эрмитаже играли в веревочку, в кошку и мышку, в билетики, в жмурки и в фанты. Однажды, на подобном вечере, после фантов, она села играть в вист; между тем пришло время разыгрывать фанты; все суетились, резвились, смеялись, веселились непринужденно и вдруг затихли, начали шептаться; государыня, заметив это, спросила: „Что такое случилось?“ — „Ваш фант вынулся“, — отвечали ей с замешательством. — „Что же мне суждено делать?“ — опять спросила она. Все молчали, колебались ей отвечать. — „Да говорите же! — приказывала она, — всякий должен исполнять законы фантов, вы знаете наше условие: *чины оставлять за дверьми*“.* Наконец кто-то вымолвил из гостей ее: „Вам, Ваше Величество, вышло в фанты сесть на пол“. — „Так что ж такое“, — сказала государыня; она оставила карты, посидела с минуту на полу и опять принялась за вист**.

---

* Эти слова были написаны над дверьми Эрмитажа.

** Сумароков П.И. Обозрение царствования и свойств Екатерины Великой. СПб., 1832.

Екатерина приказала выбить свое изображение в русском народном костюме и на медалях, розданных членам комиссии составления законов.

И в царских дворцах пели песни: во славу Бога Единого, во славу царицы-матушки и царей с потомством, во славу отечества и во славу хлеба-кормильца, заповеданного нам в самой молитве Господней.

В простом быту Святки еще очень долго проводились по-старинному. Лишь только смеркнется, по улицам мчатся веселые поезда с бубнами, фантастически ряженых в санях и розвальнях, под трехтанье балалаек, с хохотом, свистом и веселым пением „*Из-под дуба, из-под вяза...*“ Сани кувыркаются по ухабам, а они голосят себе: „*Ничего в волнах не видно!..*“ Если сани на бок, только взрыв хохота — и опять покатили. Если завидят освещение в каком-нибудь дому, туда, с клубами густого морозного пара, вваливаются они в комнату, сердят цепных собак и пугают хозяев своими рогами, кульками на головах, горбами на спинах, косматой шерстью вывороченных тулупов, выпачканным сажей или мукой лицом, ходулями и проч., и проч. Там попляшут они бычка-голубца, в подсядку да вприсядку, или просто отхватают из собственного, нецензированного сочинения, выпьют *ржаного молочка*, т.е. хлебного вина, и пустятся дальше. Рядились бывало: мышью, сахарной головой, туалетом, корзинкой, шкафом, великаном, блаженно-юродивым (в рубахе, с веригами на ногах), и даже покойниками в саванах. Еще под конец Филипповок во многих домах, особенно в тех, где были невесты, уже шли приготовления к Святкам; нянюшки и мамушки, или бабки-*позыватки*, отправлялись приглашать гостей; в иных домах подобные пригласители назывались *хожалами-сватами*. И вот, в назначенный день, приезжали с приличным конвоем в званый дом девушки подруги с узлами нарядов своих, из числа которых были еще бабушкины бессмертные штофные, парчовые или глазетовые платья; иные девушки гостили у подруг своих до раздольного *Васильева вечера*, далеко за полночь провожая время в фантах и гаданиях, и едва будил их колокольный звон поздних обеден, да голос

какой-нибудь старушки прибаутницы, кричавшей им в двери: „Пора вставать, красные девицы, ваши суженые давным-давно встали, три овина обмолотили, на двух базарах побывали, на вороных конях проезжали, суженых искали". Днем ворота домов затворялись, за ними на дворе девицы катались с гор, с визгом играли в снежки и делали из снега статуи с насурмленными углем бровями. Вечером опять шли забавы между молодежью обоего пола.

Подблюдные песни еще теперь поются, да и едва ли прекратится живучесть их в духе русского народа. Они предвозвещают время браков неженатым и незамужним; к ним относятся следующие: „*Скачет груздочек по ельничку*"; „*Кузнец, скуй мне венец*"; „*У Спаса в Чигасах за Яузой*".

Медведь-пыхтун
По реке плывет,
Кому пыхнет во двор,
Тому и зять в терем.

К тебе будут гости — ко мне женихи,
К тебе будут в лаптях — ко мне в сапогах.
Молодай-ка, отгадай-ка.

Или: Саночки-самокаточки, курочка-погребушечка.

Или: Уж как за сыном корабли плывут,
А за дочерью сундуки везут.

Или: Бежит бобер за куницею.

„*Уж как кличет кот кошурку в печурку*" и проч. Песни, означающие долговременное безбрачие, суть: „*Заюшка-ковыляюшка*"; „*На корыте я сижу, корысти гляжу*" и пр. А как разнообразны гадания. Многие из карт составляют себе волшебную азбуку, иные узнают судьбу свою гаданием на кофе: русские сивиллы наливают полчашки густого кофе и взбалтывают его, чтоб гуща пристала к чашке, после дуют в нее, выливают в другую посуду и по остаткам гущи предсказывают будущее. От гадания *на бобах* (которое запрещалось потребником мирским) у нас сохранились приговорки: *на бобах провести, чужую беду бобами разведу, а к своей беде ума не приложу.* Гадания: *выпускать яичный белок в воду, лить воск, олово, сидеть перед зеркалом, на-*

водить его на луну и пр. и пр. всем известны. В старинных преданиях о Святках сказано: „В святочные ночи, особенно в Васильевскую (на Новый год), черти особенно *галантонят*, но девушки спешат к ним на рандеву, хотя оно не менее опасно, чем тайное свидание с вертопрахами и *махальщиками*, т.е. волокитами. Впрочем, от нечистой силы обороняются они, воскликнув: „*Чур, чур сего места*!“* Вот отрывки описания нескольких гаданий, извлеченные из курьезных стихов, писанных в половине прошедшего столетия:

Филипповский лишь пост пройдет благополучно,
И девушкам сидеть за гребнем будет скучно,
То всяк почти о том заботится гадать,
Что Новый год кому желает в руки дать.
У девушек желания такого рода,
Чтоб поверней узнать им накануне года:
Какой по суженой достанется жених,
Богатый или гол, пресмирный или лих
(К тому склоняет их сама уже природа).
И вот они идут толпою на гумно,
Иль к бане во полночь, под низкое окно,
К которому спиной, одна оборотившись,
Шани (трогай, гладь) меня, кричат, немного наклонившись,
И ежели тогда почувствует она,
Что будто бы ее кто гладит из окна
Не голою рукой, но будто бы мохнатой,
То будет, мнит она, жених у ней богатой;
Но если голая хватнет ее рука,
Мнит, нет у жениха с рублями сундука:
И будет для нее он муж не тороватый.
Когда ж раскинет бес свою пред баней сеть,
И девку по бедрам ошпарит жестко плеть,
То, бросившись она, вдруг с визгом, от окошка,
Кидаясь в сторону, как бешеная кошка,
Подруженькам своим испуганным кричит:
Ох, девушки, ай, ай, мой будет муж сердит.

---

* *Чур* был бог межей у славян; этим словом гадальщицы как бы ставили границу нечистой силе.

Поведывают нам всезнающи старухи,
Что в селах из девиц такие есть резвухи,
Что могут и о том без книжек отгадать,
В какой ей замужем стране век провожать.
Такие смелые, догадливы вострухи!
Вот те из них идут, которые в поре,
Ловить в полночь коня тихонько на дворе.
Ведь надо же узнать мудреную загадку,
А девушки хитры, на все берут ухватку.
Скорей, скорей коню завязывать глаза;
Одна из них тотчас, как резвая коза,
Садится на него по своему обряду,
Не к голове лицом, но к лошадину заду,
И в кою конь страну не видя побредет,
В той всадница свои дни с мужем проведет.
В то время рыщет бес, везде себя являет,
В иное время он роль мертвеца играет.
Желает кто свою, долга ли жизнь, узнать,
Приходит во полночь к замкам церквей гадать,
И кто услышит тут надгробное рыданье,
Того уже не льстит на жизнь и упованье.
Коль девкам хочется поболее узнать:
Садятся, очертясь, у проруби на кожу,
Не журкня слушают, закрыв глаза и рожу,
Когда ударит в их звук песен разных слух,
То у мужа хорош, веселый будет дух.
Подкравшись, иногда бес хитрый в случай сей,
И кожу прихватив всей силою своей,
К посмешищу для всех затейливых святочниц,
Таскает девушек, до суженых охотниц, и т. д.

В большом ходу был календарь *старого цыгана, ворожеи и угадчика*; там, между ответами, есть назидательные и юмористические, делающие честь остроумию неизвестного старинного автора;* помещаю некоторые из них:

Природа дала тебе десять пальцев и рот; стыдно, если десятеро не прокормят одного. — Жаль мне тебя, бедняж-

* Этот календарь издан около 100 лет назад.

ку, хоть ты и выйдешь замуж, только за слепца, потому что из зрячих тебя никто не возьмет. — Ты переживаешь несколько вечностей, потому что многие мужчины клялись тебе в *вечной* верности. — Когда ты родилась, тебя качали в колыбели, когда стала побольше, тебя носили на руках, а теперь ты ездишь в карете; поэтому неудивительно, что ты еще не научилась ходить, а танцевать умеешь. — Если бы ты жила с пчелами, то давно бы не существовала, потому что они всех трутней умерщвляют. — Тебе я не могу ворожить, потому что сам желаю узнать от тебя свою участь. — Приближаясь к оракулу, должно снять с себя всякую личину, поди же и ты сотри свои румяны. — Для чего ты беспрестанно, высовываясь в окно, глядишь на улицу? Разве весь город должен знать, что ты ничего не делаешь? —Ты наряжаешься, как кукла, а ведь кукол, наигравшись ими, бросают. — Большое было бы счастье, если бы твой будущий муж лежал в колыбели, потому что ты до возрасту его авось научилась бы хозяйству. — Нет, я ни за что не скажу тебе правды: ты дерзка на руку, а я хил головой. — Не покупай никогда при солнечном сиянии алмаза, в пасмурную погоду полотна, а на балу не выбирай жениха. — Со старым годом ты кончишь дурачества, а с новым начнешь новые.

Еще гадали на веерах (на махальцах); на них изображены были разные картины с разными подписями; веера смешивали и потом, выбрав один, узнавали по содержанию картины и по подписи свою будущность. Старинные конфектные билетцы, на которые некогда была большая мода, также очень курьезны, например:

Младенец молоко у матери сосет,
И мать его за то и любит, и голубит.
За что же откупщик бесчестие несет,
Что он отечество сосет?
Не ведая земли, коснулся облаков
И врушился туда ты в шайку дураков,
Возможет ли та тварь хвалити запах роз,
Которая в весь век все нюхает навоз?
Мы под образом людей

Часто видим лошадей.
Мужик, не забывайся,
Что ты рожден мужик;
Боярин, не ломайся,
Что чином ты велик.
Кто думает, что он умнее всех людей
Затем, что выше всех взбивает он тупей?
Кто взялся написать историю без смысла
И ставит там Неву, где протекает Висла?
Жестокая любовь ведет меня ко гробу
Отъемлет мой покой и рвет мою утробу.

Вот несколько старинных загадок: Если б я встала, то бы небо достала; если б у меня были руки да ноги, я бы вора связала; если б у меня был язык, я бы все рассказала, — *Большая дорога*. Идет мост на семь верст, на конце моста золотая верста. — *Великий пост*. Что делается во всем мире в эту минуту? — *Все стареет*. Кто делает, тот не желает; кто покупает, тот не пользуется, а кто имеет, тот не знает. — *Гроб*. Плотники бестопорники сделали горницу безугольницу. — *Скирд хлеба*. Баба-яга, растопыря ноги, весь мир кормит, сама голодна. — *Соха*. Кто всегда идет, а с места не сойдет. — *Часы*. Кто может говорить на всех языках? — *Эхо*. Ни по мере, ни по весу у всех людей есть. — *Ум*. Ни стукну, ни брякну, ко всем подойду. — *Ночь и смерть*. Когда солнце освещало дно морское? — *Тогда, когда Моисей рассек жезлом своим Черное море*. Где все люди слышали пение петуха? — *В Ноевом ковчеге*. И т.п.

Святки можно разделить на *городские* и *сельские*. Небогатые деревушки, отстраненные, занесенные сугробами снега, немы и унылы. В них разве порой раздастся вытье голодной собаки, или в клети сиплым альтом пропоет петух, на гумне прокаркает ворона, набегом свистнет ветер, прошуршит ближний лес голыми ветвями, проскрипит колодезный насос — и только. Внутри же курных изб жужжит веретено, дымится лучина и слышно кряхтенье старых домовладык на полатях; молодые же все откочевали в какое-нибудь ближнее людное село на святочный разгул; вот там другое дело, там есть кабак и закоптелая *белая харчев-*

ня, и даже мелочная лавочка с бакалеей. В богатом селе днем, несмотря на мороз, молодцы гуляют толпами по улице, разодетые в синих кафтанах *со схватцами* (т.е. с крючками), а девки и молодицы плавно выступают, охорашиваясь, украшенные *поднизями* (бахрома из стекляруса на головном уборе), в заячьих шубках, в ярких поневах, в шелковых начельниках, или повязках, в киках с дробницами (с блестками). Там они сходятся и расходятся с парнями, играют и отыгрываются. Вечером же они предаются всем чарам Святок. Замысловатые ребята оденутся пострашнее, вымажутся почернее, и подкарауливают гадальщиц на перекрестках, за воротами, за углом — да и гикнут, пугнут их — и послышатся визг да хохот...

А на посиделках, в светлицах, девки сожмутся кучей на длинной лавке с *подзором* (деревянная бахрома), чтобы, по поверью, не дать между собой места лукавому, а молодцы, если не успеют втиснуться между ними, рассядутся где попало, и послышится звук гармонии, щелкотня орехов, оттопыванье трепака или *подблюдные* песни, а тут, глядишь, ворвется толпа ряженых — и пошел круговорот святочного бешенства... В деревнях берут большое красное деревянное *блюдо*, покрывают его платком и кладут на него кусок хлеба и холодный уголь. Потом всякий и всякая мысленно загадывают на перстнях, на кольцах, на запонках и на прочих мелких вещах; после касаются ими краев блюда крест-накрест и кладут их под платок. Наконец садятся все рядом и запевают песнь хлебу, по окончании ее ломают хлеб и делят его между собой; эти кусочки прячут и ложатся с ними спать, чтоб им грезились соответственные загаданию сны. — Большая часть фанточных игр многим известна; из них есть очень замысловатые, некоторые переняты от иностранцев; собственные русские, подблюдные песни сопровождаются грустным и мелодическим напевом, иные веселым: „*И я золото хороню*“, „*Курочка-погребушечка*“, „*Чарочка-поплывушечка*“, „*Саночки-самокаточки*“, „*Уж как вышло пузище на репище*“ и т. п. Часто фанты

бывают прелюдией свадеб*. Фанты разыгрываются установленным порядком; фанточные требования должны беспрекословно исполняться; в фантах часто выказывается остроумие, доставляющее обществу разнообразное удовольствие.

Есть замечательная старинная песнь хлебу: „*Слава*“.

Слава Богу на небе,
Слава!
Государю нашему на сей земле,
Слава!
Чтобы нашему государю не стареться,
Слава!
Его цветному платью не изнашиваться,
Слава!
Его добрым коням не изъезживаться,
Слава!
А эту песнь мы хлебу поем,
Слава!
Хлебу поем, хлебу честь воздаем.
Слава!**

В подражание этой песне, написал Жуковский свою „*Славу*“; музыка к ней сочинена Д.Кашиным, на два голоса, для тенора и баса с хором. Все это вместе, слияние чарующих звуков и музыкальный размер певучих стихов, шевелит русское сердце и производит чудное обаяние на душу.

Слава на небе солнцу высокому,
На земле государю великому.
Слава на небе утру прекрасному,
На земле государыне ласковой.
Слава на небе ясному месяцу,
На земле государю-наследнику.
Слава ярким светилам полуночи,
Сыновьям, дочерям государевым
И великому князю с княгинею.
Слава громам, играющим на небе;

* Фант значит залог; это слово немецкое.
** При слове *слава* все встают со своих мест.

Слава храброму русскому воинству.
Слава небу всему лучезарному,
Слава русскому царству великому!
Припев *хора* к каждому стиху: *слава*, а в заключение:
Многие лета, многие лета,
Царю-государю!

ИОРДАНСКАЯ КУПЕЛЬ

Вечно памятная и священная для христиан р. *Иордан* есть слово еврейское, значит *река Суда*, а для христиан *река спасения*, потому что в волнах ее крестился Спаситель мира. Иордан берет свое начало из Анти-Ливанских гор, в Сирии; в течении своем образует *Генисарешское* или *Тивериадское* озеро, протекает через Палестину и вливается в Мертвое море. Тивериадское озеро-море известно многими священными событиями. Благочестивый и любопытный русский путешественник прошедшего столетия к святым местам, Барский, наблюдательно описывает Тивериадское море-озеро. „Оно отстоит от Назарета, — говорит он, — на восток, имеет сладкую воду и множество рыбы, которую некогда ловили святые апостолы; здесь извлек Иисус Христос и утопающего Петра из глубины вод, смирив море и ветры, о чем пишется и в святом Евангелии. Это озеро имеет в окружности 50 стадий, т.е. 2 мили в длину и 4 в ширину. В окружности его нет ни весей, ни градов, одни пустыни. Тивериадское озеро стоит в горах, как в рамах; вдалеке от него заметны еще следы городов: Капернаума, Сидона, Тира и пр. У евреев есть предание, что из волн Тивериадского озера восстанет некогда Мессия. Один из лучших рассказов об иорданском *водокрещении* находится в описании этого торжества игуменом Даниилом, жившим в XII в. „Сподобил мя Бог, — пишет он — трижды на Иордане, и в самый праздник *водокрещения*; со всею дружиною моею, видехом благость Божию, приходящуя на воды Иорданские. И множество народа тогда приходят к воде со свещами, и всю ту нощь бывает там пение изрядно, свещем без числа горяще. В полунощих бывает крещение воды, тогда бо Дух Святой нисходит на воды иорданские. Достойнии ж человецы видят добрии, како выходит Дух Святой, а вси народы не видят, но токмо радость и веселие всякому человеку бывает тогда в сердцы, егда погрузит крест честный и егда рекут: *Во Иордани крещающия ти ся Господи*, тогда все людие бросятся в воду Иордана, крестящесь во Иорданстей реце, якож Христос в полунощи крестил есть от Иор-

дана".

В старину при наших царях ни один из царских *выходов* не сопровождался таким великолепием, благовидностью и торжеством, как день 6 января. Иностранцы, быв свидетелями этого *священного действа*, сознавались, что у них никогда не было и нет подобного благоговейного торжества. В это время владыки России являлись во всем блеске и пышности своего сана. К этому дню отовсюду съезжались в Москву иногородцы посмотреть на обряд освящения воды патриархом на Москве-реке. Накануне праздника царь слушал вечерню, большей частью в придворной церкви или в столовой своей, а в самый праздник делал малый выход в Успенский собор к литургии, а оттуда большой на иордань. Вся кремлевская площадь в то время затоплена бывала народом; от самого собора до иордани стояли шпалерами стрельцы с барабанами и с знаменами; знамена полков стрелецких, с изображениями посредине их святых ликов и русского герба, были необыкновенной величины и разных цветов: белые, алые и черно-золотые, — Дмитрия Донского, под сенью которого он шел на Мамаево побоище. Одежда стрельцов в XVII ст. состояла из длинных, узких зеленых кафтанов, на которых спереди нашиты были поперек золотые шнурки; вооружение их состояло в пищалях, в саблях и в бердышах.

Против Тайницких ворот устраивалась на Москве-реке иордань с возвышенными местами для царя и для патриарха. Перед выходом государя в собор раздавался звон на Ивановской колокольне. При появлении царя народ усердно *бил ему челом*, за ним имели право входить в церковь только высшие сановники, прочие же чины толпились на рундуке, или помосте, устроенном между соборами, Успенским и Архангельским. По окончании литургии начиналось парадное шествие на иордань; его открывали стрельцы, в *цветном* платье, в стройных рядах блистая стволами золоченых пищалей, копьями и алебардами — обоюдоострые стальные топоры, древки которых обтянуты были червчатым бархатом или атласом, с галуном и кистями. За стрельцами двигался великолепный крестный ход, состоявший из

всех высших и низших духовных сановников, в златотканых и в серебристых ризах; перед ними сияли в воздухе кресты и святые иконы лучистыми самоцветными камнями и колебались несомые хоругви, как небесные знамена. Сам патриарх, в драгоценной шапке, в великолепном облачении и с символическим посохом в руках, замыкал это торжественное шествие. За патриархом следовал царь, предшествуемый дьяками, стольниками и пр. чинами в *золотых* кафтанах и в бархатных или в объяриных шубах; младшие были впереди. За ними постельничьи несли царскую одежду: посох, кафтан, шубу, зипун, полотенце, подстилку, седалище, — кресло — и солнечник-тенник, или зонт-балдахин, на случай непогоды. На иордани царь переменял платье.

Во время шествия царь был в большом наряде; сверх богатого кафтана, на нем было платье, называемое порфирой, из золотистой парчи, обшитое жемчужным кружевом и блистающее дорогими каменьями; венец или шапка также усыпаны были алмазами, изумрудами и яхонтами; бармы, или оплечья, его искрились лучами; на груди его, на массивной цепи, надет был финифтяный крест, в руке держал драгоценный жезл. Стольники поддерживали его под руки, сопровождали его бояре и окольничьи, а по сторонам шли начальники стрелецкие, за ними рядовые стрельцы, оберегая царский путь; одни из них вооружены были пищалями, другие батожными прутьями. Низшие чины и народ замыкали шествие. На Москве-реке, перед Тайницкими воротами, поставлен был красивый, пестрый Иорданский намет, или *сень* с колоннами, с золоченым карнизом и с сияющим крестом наверху. Внутри намета изображены были разные лики святых и крещение Иисуса Христа. Сверх того, иордань цветилась металлическими листьями, цветами, плодами и прочими украшениями.

Около иордани приготовлялись два места, для царя и для патриарха, в виде круглых шатров, с пятью главами из слюды, увенчанные крестами; на карнизах этих шатров блестели посеребренные доски с написанными на них приличными стихами к тому случаю. В шатрах были и овальные окна, расцвеченные, разукрашенные и раззолоченные,

также дверь с хитрой сквозной резьбой, задернутая шелковой занавеской. Пол и дорога к иордани устланы были кармазинным сукном, отороченным блестящими галунами. Эти здания огорожены были от напора народа красивой решеткой, а иордань балюстрадой, за которой помещались, по чинам, все *служебные* люди. Около самой иордани устанавливалось многочисленное духовенство; между мостами Москворецким и Каменным стояло войско в ратном строю, в полном вооружении и с развевающимися знаменами. На высоте Тайницкой башни помещался махальщик с ясачным знаменем; он, по временам, подавал знак барабанщикам, чтобы они били дробь, т.е. отдавали почесть торжеству. Берега Москвы-реки и все окрестности иордани окружены были живыми рамами народа, тесные толпы которого на далекое пространство спирались плечо с плечом. Все ближние, даже дальние здания москворецкие: колокольни, вышки, заборы, откосы гор и пустыри кишели народом, но с соблюдением тишины и благопристойности, за чем зорко смотрели стрельцы, грозясь на беспокойных батогами, и полицейские чины тех времен в тулупах, с костылями в руках и в круглых шапках, с изображением на них буквы З и Я, что означало: *Земский Ярыжка*.

Перед освящением воды духовные сановники подходили к царю и к патриарху с обычными приветствиями; потом патриарх раздавал зажженные свечи, по чину, и начинал обряд. Лишь только крест погружался в воду и раздавался хор демественников, певчих, славословя это торжество, тотчас начинали гудеть соборные колокола; знамена преклонялись и барабаны начинали бить... По освящении воды патриарх серебряным черпалом почерпал святую воду из иордани и передавал ее кому-нибудь из духовного чина, для окропления ею знамен и подступившего к иордани войска, а сам, наполнив царский сосуд святой водой, отсылал его во дворец, для окропления царских чертогов. В заключение патриарх, осенив государя крестом, подносил его к царю, который, при окроплении святой водой, благоговейно прикладывался к кресту, и в это время государь с патриархом поздравляли друг друга с торжественным праздни-

ком. После всего этого происходили вторичные приветствия духовных и светских чинов царю и патриарху. Крестный ход, в такой же процессии, при колокольном звоне и барабанном бое, возвращался в Кремль, выключая того, что царь ехал от иордани в больших *нарядных* санях, покрытых дорогим, узорчатым кызылбашским, т.е. персидским, ковром, в сопровождении чинов Конюшенного приказа и отряда стрельцов стремянного полка.

В честь и память великого события наша православная церковь ежегодно празднует священный день 6 января торжественным и умилительным образом. В день Богоявления Господня, не говоря уже о столицах, из главной или соборной церкви каждого города, даже и из каждой сельской церкви, отправляется духовная процессия к ближайшей реке или к пруду, где устраивается помещение для совершения службы. В это время реки всего православного мира обращаются в иордань. У нас в России осталось одно обыкновение, — после погружения в воду креста, и после того, когда все предстоящие напьются и начерпают святой воды, иные простолюдины погружаются в иорданскую прорубь, невзирая на крещенский мороз, для сохранения здоровья; русская натура и вера в святость воды спасает их от вредных последствий.